

ЗДЕСЬ, В КРУТОВЕЕГОВЕ, нынешняя ранняя весна особенно заметна. Ухабистей стала дорога. Она то и дело заставляет шоферов чертыхаться и ниже склонять голову к баранке, пристальнее всматриваться вперед. Снега забурели, набухли влагой, а там, где неуютно им было в зимнюю пору, уже дымятся испариной черные проплешины. Хорошо пробуждается жизнь. Резво.

Бригадир животноводов Семен Павлович Толстомятенко — неуловимый человек. Мы долго мотаемся на «газике» между коровников, пока девушка из конторы не приводит его прямо к машине: «Да вот он, Толстомятенко». Хотелось бы дать портрет, но на ум назойливо идет затасканный штамп — «невысок, но крепко сбитый, с лукавой живинкой в глазах».

— Заботы, заботы, — словно оправдывается Семен Павлович, закуривая и пытаясь, очевидно, угадать, о чем разговор в такое горячее время. — Низка продуктивность нашего стада. Даже план... Другой бригаде установили 3100 на корову, а у нас всего 2600. Стадо такое. Надо выравнивать. Сейчас проводим селекционную работу. Цель такая — довести надои до 3200 литров от каждой буренушки.

— Вы институт закончили?

— Да, Кубанский сельскохозяйственный.

— Давайте, Семен Павлович, об этом как-нибудь потом поговорим. А сейчас...

ЗА ОГНЕННЫМ ВАЛОМ

ДЕСАНТ

Он вспоминал. Начал, как бывалый рассказчик, чтобы создать динамику повествования, с того, как высокая награда Родины нашла его, своего кавалера, ровно через 30 лет. Орденом Отечественной войны II степени он был награжден за оборону, героическую оборону Одессы.

...Лето 41-го в Анапе было особенно жарким. Зрел виноград. Жемчужные зерна массивных кистей, как маленькие живые аккумуляторы, жадно поглощали солнечные лучи, копили в себе соки, чтобы те смогли когда-то искрометно наполнить бокалы за праздничным столом. Но на сей раз преждевременно лопались зерна — шла война и над виноградниками вздымались султаны бомбовых взрывов. Виноградные лозы и кисти попеременно с проволокой и искореженными столбами, покрытые копотью, а то и человеческой кровью, заполняли воронки.

Здесь со своим взводом управления артиллерийским огнем отражал бесконечные воздушные налеты немецких стервятников на Новороссийск лейтенант Толстомятенко — недавний выпускник артиллерийского училища.

Кто знает, может, именно тогда, когда он видел эту израненную землю, уничтоженные плоды ее, и зародилась у него мечта все это восстановить, взрастить, взлелеять. Может, тогда и пошел он потом в сельскохозяйственный.

...Так было до сентября. А потом всю 157 стрелковую дивизию посадили на корабль «Днепр», тот самый, что когда-то доставил на советскую землю испанских детей из истекавшей кровью республики к берегам страны, которая стала их второй Родиной.

Десант. Он отправлялся в осажденную, и с берега и с моря, Одессу. На защиту города-героя, ставшего на пути оголтелых гитлеровских полчищ неприступной крепостью.

Первые бои десанта начались еще в море. Воздушные пираты стремились помешать высадке десанта. Особенно Семену Павловичу запомнился один «Фокке-Вульф». Летчик до того обнаглел, что летал над самыми мачтами корабля, наскоро оборудованного для войны. И вдруг над палубой радостный, победный крик: — Есты!

— Ага, скушал, знай наших, подруга.

Кто-то из противотанкового ружья стрелял прямо в хвост немца и отшиб его напрочь. Самолет не успел сделать никакого маневра — стрелой ушел навсегда в Черное море.

Высадка десанта началась 16 сентября ночью. Противник бил прямой наводкой и с моря, и с суши. Одесса могла, помогала десанту. И ей

на помощь пришли 8 тысяч новых защитников.

РОЩА — МОНУМЕНТ

Километрах в тридцати от Одессы был хутор, а сейчас село Дальник. Рядышком выросла могучая роща. И многие удивлялись, откуда в степной зоне такое чудо, такие могучие стволы. А догадка пришла потом — этот кусочек земли обильно окроплен кровью. Здесь были сильные бои, здесь много полегло. Эту землю щедро полил своей кровью и Толстомятенко.

После войны теоретики боя внесли в тактику испытанный Великой Отечественной маневр — наступление за огненным валом. Суть ее такова. Вся мощь огня артиллерии сосредоточивается на линии. В удалении от нее наступает пехота. По мере ее движения огонь переносится все дальше в оборону противника, и под прикрытием его идет в атаку пехота.

В числе первых, кто испытал на себе и риск, и преимущества наступления вслед за огненным валом, был и начальник разведки артполка Толстомятенко. Шагая в рядах наступающего батальона, он корректировал огонь своих батарей. Снаряды с воем проносились прямо над головой и рвались неподалеку. Осколки шмякались совсем рядом.

Стало смеркаться, когда заняли запасные окопы противника. Поуспокоилось на миг поле боя. Один из разведчиков окликнул командира, забыв о воинской субординации:

— Смотри, Семен, перекасти-поле.

— Да нет, вроде не катится, а движется. А ну-ка, дай, Федя, СВТ (СВТ — семизарядная винтовка Токарева, стоявшая на вооружении в первые годы войны) мне, — протянул руку лейтенант.

Но не успел ему Губарев передать винтовку — из овражка вылез огромный детина — румынский офицер.

— Стой, — закричал Толстомятенко, — живым возьмем.

И в это время над ухом прожужжали пули, посланные румыном.

— Эх, гад, — сквозь зубы процедил лейтенант, выхватывая пистолет, — сам себе приговор подписал, — и разрядил свой пистолет.

Еще прошли метров 150, когда вокруг, все густея, начали ложиться вражеские мины. Удар в бедро и грудь одновременно. Потом осколки начали долбить лицо и руки...

Разведчики Федя Губарев и Иван Сердинов вынесли с поля боя израненного вконец своего командира. Случилось это 2 октября 1941 года.

8 тысяч их было в десанте, осталось две с половиной. И стоит сейчас живым монументом на той земле зеленая роща.

ОГНЕННЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Четыре с половиной месяца Семен Павлович находился во власти людей в белых халатах. Он был на грани бытия, сознание приходило и вновь покидало его. Нож хирурга исполосовал его тело — три операции, одна за другой. Только один осколок остался тяжелой памятью в груди лейтенанта.

После Одессы дивизию, уже закаленную в боях, хотя и поредевшую, направили на защиту легендарного Севастополя. Потом был Сталинград. Здесь, в армии Чуйкова, в составе 2-й гвардейской артиллерийской дивизии, Толстомятенко командовал батареями. Кстати, командир дивизии, генерал-майор Яковлев, был когда-то у Толстомятенко в артиллерийском училище командиром дивизиона.

Пошли в наступление южнее Сталинграда, у станции Абганерово сомкнули кольцо окруженной группировки и после ее разгрома снова — в знакомые места — брать Севастополь.

Тяжелая контузия Семена Павловича накрыла на знаменитой Сапун-горе. Прямое попадание в блиндаж. 18 суток снова он был без сознания. Потом дела в молодом теле пошли на поправку и там, прямо в госпитале, ему вручили Красную Звезду за Севастополь.

Кто их сосчитает, километры фронтовых дорог. С 3-м Белорусским, теперь уже гвардии капитан, Толстомятенко брал Тильзит и Вальтеркемен, Губминен и Пиллау, Кенигсберг и Либаву. Чаще всего был на прямой наводке, а вот поди ж — здесь не задело. Видно, война посчитала — хватит с него Одессы и Сапун-горы, много он крови там пооставил.

А потом, словно опомнившись, уже под самый конец 2-й мировой, уже на востоке, в Маньчжурии, когда с боями Семен Павлович прошел Салань и Чаньчунь, Таанань, Мукден и Порт-Артур, за что на его грудь повесили вторую Красную Звезду, попал под крушение поезда, которое устроили японцы.

Но как бы там уже ни было, а война закончилась, закончилась полной победой, и уже теперь Толстомятенко смог осуществить свою мечту о самой мирной профессии. Что он и сделал.

А. ПАРАМЗИН.

НА СНИМКЕ: 1939 год. С. П. Толстомятенко — курсант артиллерийского училища.